

АЗБУКА-ВОСЬМИЛИСТКА XVII в.: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Л. В. Мошкова

Старопечатная учебная книга сохранилась плохо, и это давно известно исследователям. Показательный пример — Буквари Ивана Фёдорова 1574 и 1578/1580 гг., которые представлены двумя экземплярами каждый и только в зарубежных хранилищах². Последнее хорошо объяснимо: чем раньше экземпляры учебного издания покидали зону своего возможного бытования и попадали в иноязычную среду, тем больше шансов они имели сохраниться. В противном случае они просто рассыпались в прах, побывав в не слишком умелых и аккуратных детских руках. Если отмеченная закономерность прекрасно прослеживается в отношении букварей — книг, достаточно объёмных и к тому же снабжённых переплётом, — что можно говорить об изданиях в одну тетрадь, не имеющих не только переплёта, но и обложки: их сохранность измеряется тысячными долями процента.

В настоящее время известны 4 экземпляра азбук-восьмилисток (по другой терминологии «азбук на листе»), напечатанных в Москве во второй половине XVII в. Две азбуки, изданные в 1669 и 1698 гг., хранятся в Копенгагене³, азбука 1687 г. — в Лондоне⁴ и самая последняя из найденных — 1686 г. — в Ярославле⁵.

Неудивительно, что первыми обратили внимание на эти памятники зарубежные исследователи, неоднократно упоминавшие их в своих работах⁶. Российские книговеды, напротив, до последнего времени старались не замечать этих изданий и не говорить о них⁷. Такое отношение, вероятно, объяснялось просто: подобные малообъёмные издания казались некоторым исследователям слишком «примитивными», элементарными и, в конечном итоге, недостойными той высокой роли, которой призван служить учебник.

Ситуация кардинальным образом изменилась только после находки ярославского экземпляра. Теперь эта азбука, с одной стороны, характеризовалась как замечательная и много лет разыскиваемая, с другой — объявлялась первым известным экземпляром данного типа изданий⁸.

Мизерное количество сохранившихся азбук-восьмилисток не может не печалить исследователей. Однако составить представление о периодичности и тиражах подобных изданий всё же возможно, поскольку сведения о них содержатся в документах Печатного двора XVII в., часть из которых опубликована. Отождествить упоминающееся издание с «азбукой на листе» позволяет главным образом его себестоимость и/или продажная цена⁹. Данные о первых дешёвых изданиях, продававшихся на Печатном дворе в 1633–1634 гг., опубликовала И. В. Поздеева. Она отмечала, что с 1 сентября 1633 г. по 1 сентября 1634 г. было продано 100 азбук в четвертую долю листа по цене 2 деньги за экземпляр, и примерно в это же время покупатели приобрели 400 экземпляров азбуки в восьмую долю листа по 1 деньге¹⁰. Во время публикации этих документов исследовательница считала азбуку

в четвертую долю листа «первым изданием в Москве печатного букваря, подготовленного ... Василием Бурцовым, когда он ещё был работником Печатного двора. О том, что издание первое и пробное, говорит и его формат ... в дальнейшем не применявшийся для азбук»¹¹. С последним утверждением трудно не согласиться. Однако, вероятно, пробных изданий было не одно, а два в разных форматах (в восьмую и четвертую долю листа). Атрибуция их В. Бурцову сомнительна: с 1632 г. он работал отдельно¹², а 20 августа 1634 г. выпустил свой первый букварь. Конечно, можно предположить, что распроданные к 1 сентября 1634 г. азбуки были напечатаны В. Бурцовым в 1632 – начале 1633 гг., во время организации своей книжной палаты. Однако, сравнивая приведённые выше годовые продажи азбук с аналогичными сведениями за 1647–1651 гг., можно увидеть, что рынок был способен поглотить 3 000 и более экземпляров азбуки в год¹³. Следовательно, малое число проданных экземпляров скорее объясняется небольшим тиражом пробного издания¹⁴, подготовленного незадолго до этого (т. е. в 1633–1634 гг.)¹⁵. Поэтому совершенно прав А. В. Вознесенский, считая эти первые, известные нам только по документам издания «азбуками на листе»¹⁶.

В последующие годы, как свидетельствуют материалы Печатного двора, «азбуки на листе» печатались с завидной регулярностью (например, в 1647, 1649, 1651, 1652, 1655–1660 гг.), их продажная цена превышала себестоимость в 2 или 4 раза, но расходились тиражи быстро. В 1649 г. от напечатанных в январе – марте 6 000 экземпляров к 7 декабря осталось 2 900, и они за 5 дней были распроданы; в 1651 г. из 2 400 азбук, напечатанных из остаточных запасов бумаги, через 2 недели 6 покупателей приобрели 2 394, т. е. практически весь тираж¹⁷. И. В. Поздеева приводит следующие подсчёты за вторую половину XVII в.: с 1652 по 1700 г. на Печатном дворе было выпущено 51 издание азбук-восьмилисток суммарным тиражом 258 000 экземпляров¹⁸.

Хорошо известно, что документы Печатного двора за XVII в. сохранились не полностью и сведения за некоторые годы отсутствуют. Поэтому для восстановления репертуара книг (в том числе малообъёмных азбук) могут быть привлечены более поздние источники. Так, Т. А. Афанасьева использовала в своей работе, посвящённой азбукам и букварям XVIII в., подготовленный в 1777 г. «Реестр» изданий Московской синодальной типографии по копии конца XIX в.¹⁹

Вероятно, с подлинником именно этого документа («Ведомость какого звания книги в Московской типографии с начала учреждения ея до ныне печатаемы были и по сколько экземпляров о том показано ниже сего») работал позднее американский исследователь Г. Маркер²⁰. Поскольку темой его исследования была грамотность, он опубликовал извлечения, касающиеся только азбук и букварей, напечатанных в Москве до 1707 г. По сделанным им подсчётам в 1647–1700 гг. в Москве вышли 53 издания общим тиражом 325 100 экземпляров²¹.

При сравнении этих данных с приведёнными И. В. Поздеевой за 1652–1700 гг. (60 изданий суммарным тиражом 270 820 экземпляров²²) хорошо видно, что и число изданий, и совокупный тираж отличаются. При этом московская исследовательница оперирует большим числом изданий, в то время как по подсчётам американс-

кого учёного суммарный тираж учебных книг был выше. Тем не менее отмеченные разногласия не могут, на мой взгляд, являться причиной явного невнимания отечественных книговедов к найденному Г. Маркером источнику²³.

В настоящее время в моём распоряжении имеются полные ксерокопии копенгагенских экземпляров (1669 и 1698 гг.)²⁴ и описание лондонского (1687 г.)²⁵, поэтому состав и содержание азбук анализируется на их примере.

На первой странице, которая является титульным листом издания, помещено заглавие: в азбуке 1669 г. — «Начальное учение хотящим учиться книг божественнаго писания», в азбуке 1698 г. — «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественнаго писания». В азбуке 1687 г. это традиционное заглавие помещено на обороте л. 1, а на его лицевой стороне иное — «Азбука учебная».

После заглавия идут краткие молитвы: в азбуке 1669 г. одна (начинается словами «За молитв пречистые ти матере»), в азбуке 1687 г. также одна («Во имя Отца и Сына»), в азбуке 1698 г. две («Во имя Отца и Сына», «Боже в помощь мою вонми»). В копенгагенских экземплярах учебная часть²⁶ начинается с оборота первого листа, в лондонском — со второго. Здесь приведены алфавитный ряд в прямом порядке, затем двух- и трёхбуквенные слоги, названия букв, слова под титлом, «число церковное», «имена просодиям», после этого указана дата выхода. В азбуках 1669 и 1687 гг. всё перечисленное и есть их состав. В более позднем издании этот материал заканчивается на л. 6 об.²⁷, а два последних листа можно считать краткой хрестоматийной частью, которая включает три молитвы и «Стихи учительные»²⁸.

Проблемой, до сих пор не поднимавшейся исследователями, является соотношение учебной части букварей и азбук-восьмилисток. Известно, что первые издания Василия Бурцова 1634 и 1637 гг. следовали фёдоровской традиции: учебная часть включала достаточно обширный материал и занимала более 30 листов. В Букваре 1657 г. эта часть сократилась, в Букваре 1667 г. занимала 8 листов, а в издании 1669 г. — 13 страниц (6,5 листов).

Обучение чтению по буквослагательному методу было трудным и долгим²⁹, поэтому даже сокращение учебной части создавало дополнительные трудности для ученика. Ограничение её 8 листами или 13 страницами неизбежно приводило к тому, что освоивший этот раздел заучивал только названия букв, знакомился с принципами «складывания» слогов, но не обучался читать «по верхам». В букварях за учебной частью следовала хрестоматийная, которая и была ориентирована на приобретение этого навыка, но в азбуках-восьмилистках, изданных до конца XVII в., её, очевидно, не было. Поэтому можно сказать, что, освоив азбуку-восьмилистку, ученик не мог читать связный текст.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: не являлась ли «азбука на листе» причиной сокращения учебной части букваря, не повлияла ли она на этот антипедагогичный по своей сути процесс³⁰? Параллельное издание букварей, учебная часть которых продолжала фёдоровские традиции, и азбук-восьмилисток, чья учебная часть содержала минимально необходимый материал, могло привести к тому, что объём последней стал восприниматься как самый оптимальный. Поэтому учебная часть букваря сначала сократилась, а потом и просто стала равной «азбуке на листе»³¹.

Однако всё сказанное отнюдь не умаляет значения, которое играли азбуки-восьмилистки. Они давали хоть и начальные, но необходимые навыки, на основе которых каждый, в зависимости от своего желания и настойчивости, мог продолжить обучение и научиться чтению в полном объёме. Принимая же во внимание огромные тиражи подобных изданий, становится ясно, что именно эти «тетрадки» были основными пособиями для большинства желающих приобрести к письменной культуре в XVII в.

¹ В основу статьи положены тезисы (см.: *Мошкова Л. В.* Азбука-восьмилистка — «гадкий утёнок» русского просвещения // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2011. № 3. С. 87–88) и доклад, сделанный на VI Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Приношу глубокие извинения Ральфу Клеминсону за то, что в тезисах не сделала ссылку на его статью (см. примеч. 6) и тем самым приписала сделанное им отождествление себе.

² См.: *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: сводный каталог. М.: Индрик, 2003. Кн. 2. С. 451, 532, № 68, 72. Оба экземпляра второго из указанных изданий дефектны. В российском хранилище найден только отрывок греко-славянской Азбуки Ивана Фёдорова 1578 г. (см.: Там же. С. 504–505, № 69).

³ См.: *Crone H.* Gamble slaviske tryk i Det Kongelige bibliotek // *Fund og Forskning i Det Kongelige biblioteks Samlinger.* IV (1957). Kobenhavn: Udgivet af det Kongelige Bibliotek. P. 66, № 36, 40.

⁴ См.: *Немировский Е. Л.* Славянские старопечатные книги кирилловского шрифта в книгохранилищах Великобритании. М.: Российская государственная библиотека, 1993. С. 17 (в тексте, вероятно, опечатка: дата издания — сентябрь 7196 г. — переведена на современное летосчисление как 1697 г.); *Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue / compiled by R. Cleminson, C. Thomas, D. Radoslavova, A. Voznesenskij.* London, 2000. P. 134–135, № 145 (датирована 1687 г.). Благодарю А. В. Вознесенского за присланное описание азбуки из подготовленного при его участии каталога.

⁵ См.: *Кириллические издания Ростово-Ярославской земли 1493–1652 гг.: каталог / под ред. И. В. Поздеевой.* Ярославль–Ростов, 2004. С. 49, № 24 (приложение).

⁶ См.: *Cleminson R.* East Slavonic primers to 1700 // *Australian Slavonic and East European Studies.* 1988. Vol. 2, number 1. P. 15–16, 24 (лондонский экземпляр датирован 1688 г.); *Marker G.* Primers and Literacy in Muscovy: A Taxonomic Investigation // *The Russian Review.* 1989. Vol. 48. P. 11–13 (приведённая автором дата лондонского экземпляра — 7195 / 1687 г.); *Marker G.* Literacy and Literacy Texts in Muscovy: A Reconsideration // *Slavic Review.* 49, no. 1 (Spring 1990). P. 81–84.

⁷ Трудно предположить, что изданный в 1957 г. каталог Х. Кроне не был известен в России к 70–80-м годам прошлого столетия. Тем не менее до недавнего времени И. В. Поздеева считала, что известные только по документам Печатного двора азбуки, печатавшиеся огромными тиражами (часто на оставшейся от других изданий бумаге) и продававшиеся за несуразно малые деньги, были аналогичны или близки по составу к букварям В. Бурцова (см.: Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. Первая половина XVII в. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические рекомендации / сост. И. В. Поздеева. М.:, 1986. С. 16, 35–36, № 67–68; *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. От восстановления после гибели

в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001. С. 20–21). Это мнение вслед за ней повторяли и другие авторы (см., например: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 150). Надо заметить, что изучение печатных книг XVII в. долгое время было практически монополизировано московской исследовательницей, а её выводы не подвергались критике. Поэтому неудивительно, что об издании в XVII в. азбук-восьмилисток упоминала петербургская исследовательница (см.: *Афанасьева Т. А.* Издание азбук и букварей кириллической печати в XVIII веке // Из истории рукописных и старопечатных собраний (Исследования. Обзоры. Публикации): сб. научных трудов. Л.: ГПБ, 1979. С. 34, примеч. 4). Приношу искреннюю благодарность Н. В. Савельевой, приславшей мне копию этой работы.

⁸ См.: *Поздеева И. В.* Книга в культуре российских регионов. Описание кириллических изданий XVI и XVII в. в Тверской, Пермской и Ярославской областях // Фёдоровские чтения. 2003. М., 2033. С. 114–115; Кириллические издания Ростово-Ярославской земли... С. 17; *Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы: исследования и публикации. М.: Наука, 2007. Кн. 1. С. 63–64.

⁹ Возможен и другой путь: если известен тираж и количество бумаги, пошедшей на изготовление азбуки, её объём легко высчитывается.

¹⁰ См.: Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора... С. 35–36, № 67–68. Выдержки из этих документов см. также: Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог / сост. Е. В. Лукьянова. М.: Индрик, 2002. Вып. 2. 1626–1650. С. 299, № 6.

¹¹ Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора... С. 35–36, № 67–68.

¹² См.: *Зернова А. С.* Книги кириллической печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог / под ред. Н. П. Киселева. М., 1958. С. 42–43; *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. С. 423–426.

¹³ См.: Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора... С. 52, 58, 63, № 148, 174, 192.

¹⁴ Здесь уместно привести пример из более раннего времени: большой (во вторую долю) и малый (в четвертую долю) пробные листы кирилловских писем были изданы в 1561 г. Примусом Трубером в Тюбингене **перед** выходом в свет его букваря.

¹⁵ Е. В. Лукьянова определила тираж несохранившейся московской азбуки в четвертую долю листа «не менее 500 экземпляров» (Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2... С. 299, № 6); И. В. Поздеева — «более 100» и «более 400» (*Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг... С. 34).

¹⁶ См.: *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 72, примеч. 343.

¹⁷ См.: Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора... С. 58, 63, № 174, 192. Выдержки из архивных документов см. также: Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2... С. 306, 308, № 23, 32; Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог / сост. Е. В. Лукьянова. М.: Индрик, 2003. Вып. 3. 1651–1675. С. 195, 198, 199, 200, 202, 204, № 1, 12, 15, 18, 23–24, 29–30, 32.

¹⁸ См.: Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы... С. 63.

¹⁹ См.: Афанасьева Т. А. Издание азбук и букварей кириллической печати в XVIII веке... С. 33–58. Исследовательница указала место хранения этой копии: «ОРИРК ГПБ (ф. 253, № 164)» (см.: Там же. С. 34, примеч. 3).

²⁰ См.: Marker G. Primers and Literacy in Muscovy... P. 7–10, 16–18; Marker G. Literacy and Literacy Texts in Muscovy... P. 79–89. «Ведомость» хранится в архиве Синода: РГИА. Ф. 796. Оп. 58. № 43.

²¹ См.: Marker G. Primers and Literacy in Muscovy... P. 16–17.

²² См.: Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы... С. 63, таблица I.

²³ Он явно заслуживает публикации в полном объёме и исследования.

²⁴ Приношу глубокую благодарность Н. А. Охотиной-Линт, приславшей эти материалы.

²⁵ Описание лондонской азбуки 1687 г. см.: Немировский Е. Л. Славянские старопечатные книги кирилловского шрифта... С. 17; описание и снимки двух первых страниц приведены в: Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections... P. 134–135, № 145, Fig. 14.

²⁶ Учебная часть включает материал, ориентированный на овладение навыками чтения по буквослагательному методу, хрестоматийная (или текстовая) содержит материалы, предназначенные для закрепления и развития полученного умения (т. е. для чтения «по верхам»).

²⁷ Данная «экономия» осуществлена за счёт увеличения зеркала набора и плотности текста: если в азбуке 1669 г. на строке помещены 5 двухбуквенных или 4 трёхбуквенных слога, то в азбуке 1698 г. — 6 или 7 двухбуквенных и 7 трёхбуквенных. В азбуке 1687 г. на л. 2 в строке также 7 двухбуквенных слогов, но в этом издании не все страницы заполнены текстом: на л. 1 только краткое заглавие, на л. 8 об. — только дата издания.

²⁸ Данному экземпляру азбуки и особенно «стихам учительным», которые атрибутируются Кариону Истомину, посвящены работы петербургских учёных (см.: Савельев А. А. «Стихи учительные»: к вопросу о составе старопечатных кириллических изданий «Азбуки учебной» в конце XVII–XVIII века // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 139–146; Савельев А. А., Савельева Н. В. «Азбука учебная» Кариона Истомина // (в печати). Автор крайне признательна коллегам, приславшим электронный вариант последней (совершенно великолепной) статьи.

²⁹ Подробнее об этом см.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времён до конца XVII в. / отв. ред. Э. Д. Днепров. М.: Педагогика, 1989. С. 181–182.

³⁰ Здесь надо отметить, что изучение букварей именно как учебной книги давно привело меня к следующему выводу. За исключением Ивана Фёдорова все остальные авторы-составители букварей были мало озабочены чисто педагогическими проблемами (например, методикой обучения, восприятием учащимися текста, расположенного на странице и т.д.), а решали совершенно иные задачи и ставили перед собой другие цели. Текстовая часть букваря даёт достаточно материала, чтобы не только представить тот «образ ученика», который, по мнению составителей, был целью и результатом обучения, но и проследить динамику его развития на протяжении не только XVII в., но и последующих столетий.

³¹ В этом случае возможно даже было использовать (с минимальными исправлениями) соответствующие полосы набора для издания вслед за букварём нескольких заводов «азбук на листе».